

Лунный свет, пробиваясь сквозь багровые стекла иллюминаторов, ложился неровными пятнами на темно-синий узорчатый ковер. Чжан Шаочи замер. Дверная панель, вжимаясь в стену коридора, со стороны казалась совершенно обычной, но наметанный глаз Чжан-цзуна сразу уловил едва заметное несоответствие. Интуиция кричала: здесь что-то не так.

Он прищурился и шагнул ближе. На ржавой железной раме, там, где годами копилась плотная серая пыль, темнели свежие отпечатки пальцев. Кто-то открывал эту дверь совсем недавно и небрежно стер налет. Чжан Шаочи хмыкнул про себя.

Встав в оборонительную стойку — одна нога чуть впереди, локоть уперся в переборку, — он зацепился пальцами правой руки за выемку на краю створки и рванул на себя. Древняя пыль полетела хлопьями, и тяжелая железная плита со скрежетом поддалась.

Дверь распахнулась, и прямо на него с глухим стуком, точно окоченевший мертвец, повалилась огромная туша. Это был Вольф Туф — громила-телохранитель Ильи Мороза Гогенцоллерна Неоянковского, известного под кличкой Пустынный Медведь. Чжан Шаочи едва успел среагировать: гигантское, задеревенелое тело едва не придавило его к полу. Проявив недюжинную прыть, Чжан-цзун кувыркнулся в сторону. Огромный труп, словно набитый гнилой картошкой мешок, тяжело шлепнулся на ковер.

Несколько секунд Чжан Шаочи ошеломленно молчал, не в силах вымолвить ни слова. Наклонившись, он осторожно прижал пальцы к сонной артерии. Пульса не было. Остыть мертвец еще не успел — кожа за ушами оставалась теплой. На затылке и шее зловеще проступали багрово-фиолетовые кровоподтеки. Чьи-то сильные пальцы сжали шею бедняги с такой неистовой силой, что его короткий загривок казался неестественно вытянутым.

Лунный свет скользнул по бледному лицу Чжан Шаочи, отразившись в его глазах холодным стальным блеском. Губы его дрожали, а в груди заныло так, словно туда пришелся удар кувалды. Он никак не ожидал увидеть здесь подобное.

«Твоих рук дело? Зачем? Зачем ты это творишь?»

«Ты совсем страх потерял? Решил подставить меня среди бела дня?»

Ошибиться он не мог. Лицо покойника было ему слишком хорошо знакомо. Всего полдня назад Чжан Шаочи вальяжно сидел в сигарной комнате, пуская дым в глаза хозяину лайнера. Тогда за спиной Ильи Мороза Гогенцоллерна Неоянковского неподвижно, точно каменные изваяния, стояли трое вооруженных до зубов амбалов. И этот парень был среди них. На «Призраке Струнной Музыки» Вольф Туф следовал за своим боссом тенью — возился ли тот на поле для мини-гольфа, грелся в джакузи или ужинал во французском ресторане. Они расстались буквально на несколько минут... И вот результат.

На темно-синий ворс ковра осыпались мелкие темные брызги. Несколько капель запятнали ладони Чжан Шаочи, его брюки и мыски дорогих кожаных туфель. Весь этот кошмарный биологический след теперь остался на нем.

— Чжан-цзун? Вы почему здесь? Что это с ва... — из-за угла коридора показался его личный секретарь Цзун Яо в сопровождении помощников. Они наконец отыскали босса и, не подозревая о смертельной опасности, спешили к нему.

— Стоять! Не приближаться! — Чжан Шаочи резко выпрямился. Его лицо было бледнее мела.

— О боже... — Цзун Яо наконец разглядел лежащее у ног начальника тело и коротко вскрикнул. Помощники испуганно замерли, и в этой звенящей тишине показалось, будто палуба под ними начала уходить из-под ног.

— Нас здесь не было. Всем назад, — ледяным тоном скомандовал Чжан Шаочи. Он мгновенно сообразил, что его загнали в ловушку. Кто-то разыграл безупречную шахматную партию, но Чжан Шаочи и в кошмарном сне не мог представить, что фигурой, занесшей над ним топор, окажется этот человек. Тот, чье лицо он помнил до единой черточки. Чжан Шаочи шел сюда, кипя от ревности и желая поймать изменника с поличным, а в итоге едва сам не оказался главным подозреваемым с трупом на руках.

Страхивая невидимую пыль с манжет, он зашагал прочь. На душе кошки скребли, но шаг Чжан-цзуна оставался твердым и размеренным.

— Быстро уходим. Живо.

Буквально через две минуты в коридоре завывла сирена. Залились пронзительным визгом свистки корабельной охраны, послышался топот множества ног. Все завертелось в хаотичной, бессмысленной суматохе — именно так, как и рассчитывал убийца. Камень был брошен в воду, и сонная тишина лайнера мгновенно взорвалась паникой.

Чжан Шаочи молча взлетел по лестнице на свою палубу и скрылся в номере. Перед этим он успел жестко процедить подчиненным: забыть все, что видели. Если хотят жить — рот на замок.

Корабельные охранники бессмысленно метались с дубинками наперевес. Оpozнав покойника, они бросились на верхнюю палубу, переполошив отдыхавших там высокопоставленных гостей. Навстречу им уже неслась личная гвардия Ильи — вооруженные до зубов наемники. Они без лишних церемоний смяли незадачливых охранников на лестничном пролете, переломав паре человек кости.

Труп Вольф Туфа был засунут в узкую нишу за дверью. Похоже, тело держалось в вертикальном положении лишь за счет заклинивших суставов. Когда Чжан Шаочи дернул створку, мертвец рухнул, точно пустой кожаный мешок, внутри которого все кости и внутренние органы превратились в сплошное месиво.

— К-кости... Все кости в труху! Это змея! На корабле гигантская з-змея!..

— Сукин сын... — Илья сверкнул яростным изумрудным взглядом на заикающегося охранника.
— Какая еще змея?..

— Его задушили! Так сдавили, что все ребра переломали!

— А лицо... Боже, посмотрите на его пасть!

Зрители в ужасе отпрянули. Липкий страх расползлся по сырым углам коридора, отражаясь бледностью на лицах зевак.

Этот амбал не зря носил свое прозвище Вольф Туф. Природа наградила его огромным клыком, выпиравшим из верхней челюсти. В драках ему стоило лишь оскалить зубы, чтобы противники в панике разбегались.

Теперь на месте этого легендарного клыка зияла жуткая, сочащаяся черной кровью рана. Убийца не использовал оружие — он вырвал клык голыми руками.

Запершись в номере, Чжан Шаочи тщательно осмотрел гостиную и спальню. Никого. Следов постороннего вмешательства не было. Даже если этот смертоносный змей владел искусством невидимости, за пару минут он просто физически не успел бы пробраться сюда.

Все произошло молниеносно. Всего двое суток на корабле — и уже пролилась кровь.

Чжан Шаочи вошел в ванную, швырнул туфли к душевой кабине и быстро стянул пиджак, а затем и рубашку. Следов крови на одежде почти не осталось — убийца не любил пачкать руки холодным оружием. Вольф Туфа задушили профессионально, сломав шейные позвонки до того, как он успел издать хоть звук. Внутреннее кровотечение не вышло наружу, ковер остался относительно чистым. Завтра уборщики пройдутся здесь пылесосом и дезинфектором, и от трагедии не останется и следа.

Чжан Шаочи быстро замыл едва заметные бурые крапинки на брюках и обуви, понимая, впрочем, всю тщетность этих усилий. Современная экспертиза легко обнаружила бы следы крови даже в разбавленном океане воды.

Оставшись в одной белой футболке и белье, он шагнул под тугие, горячие струи душа.

«Зачем я бежал? Чего испугался? Будто мертвецов никогда не видел...»

«Надо было сразу поднять тревогу, сдать этого русского и показать пальцем, чьих рук это дело!»

Вода шумела, заглушая его тяжелое дыхание. Откинув голову назад, Чжан Шаочи прижался

лбом к холодной кафельной плитке. Сквозь рокот душа ему чудился далекий гул паники, прокатывающийся по нижним палубам.

В это время Илья Мороз Гогенцоллерн Неоянковский, чьи серебристые волосы еще лоснились от влаги после сауны, в ярости расхаживал по коридору. На его шее вздулись синие вены. Запах дорогого мыла смешивался с запахом пороха и пота. Одетый в черный бархатный халат, он со злостью пнул обмякшее тело Вольф Туфа босой ногой.

— Твою мать!

Удар пришелся неудачно — русский взвыл от боли, содрал ноготь на большом пальце. Позеленев от злости, он выхватил у стоявшего рядом охранника бейсбольную биту и принялся остервенело колотить труп своего лучшего бойца.

— Тварь! Чертова гадина! Это ты... Это твоя работа!

Месиво, оставшееся от улик, теперь не поддавалось никакой экспертизе. Окружающие застыли, затаив дыхание от ужаса. Илья швырнул окровавленную биту на пол и, тяжело дыша, зашагал к себе в каюту. Это дело он так просто не оставит.

К полуночи по барам и каютам поползли самые невероятные слухи. Те, кто и близко не подходил к месту происшествия, со знанием дела расписывали подробности: на лайнере завелась шестиметровая зеленая анаконда толщиной с бочку! Монстр задушил беднягу Вольф Туфа, сломал ему кости, а затем вырвал зубы...

Чжан Шаочи выключил воду. Прислонившись к влажной стене, он закрыл глаза. Перед мысленным взором, точно в замедленной съемке, начали всплывать кадры из прошлого — чистого, светлого, лишённого всякой фальши и коварства.

Горный ветер шевелил пряди волос на его макушке. Извилистая дорога уходила высоко в облака. В те годы небо над Яньчэном казалось пронзительно синим, а люди — искренними.

Его мальчик. Босоногий, в белоснежной рубашке и укороченных брюках, приоткрывающих изящные лодыжки.

Сяо Пэй всегда умел выделяться. В двенадцать лет он был капризным и упрямым, в пятнадцать — высокомерным и гордым, а к восемнадцати превратился в бунтаря, которого никакими силами нельзя было удержать дома. Он не курил, но обожал выпить, набивал странные татуировки на голених и слушал тяжелый рок. Стены его университетской комнаты были заклеены плакатами с Куртом Кобейном и Джимми Хендриком. Он всегда жил вопреки правилам.

— Второй дядя, покатаешь на мотоцикле? Погнали в горы! — щурясь от солнца, просил юноша.

Только наедине с ним этот колючий подросток становился робким и ласковым.

— Братом зови, — ворчал Чжан Шаочи, глуша мотор у ворот университета. Пока другие катали девчонок на пижонских иномарках, он забирал своего названного племянника на потрепанном байке.

— Брат! — звонко смеялся парень, запрыгивая на заднее сиденье и крепко обнимая его за талию.

В те времена Чжан Шаочи еще не носил гордого звания «Чжан-цзун» и не ворочал миллионами. Он только демобилизовался из армии, еще не растерял привычку носить простые белые рубашки и старые армейские брюки цвета хаки, а в зубах у него вечно дымилась дешевая сигарета. Бизнес только зарождался, приходилось мотаться по командировкам в Шанхай и Гуанчжоу, лично развозить товар.

Но этот мальчишка тянулся к нему с чистой, неподдельной нежностью.

На берегу озера Яньциху только открылся новый загородный клуб. Пока почтенные старцы из министерств гоняли мячи по безупречному полю для гольфа, Чжан Шаочи пропадал с племянником на теннисных кортах, обучая его подаче. Они бесились как сумасшедшие. Стоило Сяо Пэю вырваться из-под родительского контроля, как он превращался в дикого, неуправляемого чертенка.

Однажды Чжан Шаочи стоял у бортика бассейна, самодовольно любуясь своим рельефным торсом, как вдруг получил ошутимый пинок под зад. С брызгами и криком он улетел в воду.

Пэй И заливался счастливым хохотом. Его старший дядя, Сюй Циюэ, лениво куривший в шезлонге в обнимку с очередной пассией, тоже покатывался со смеху.

— Мелкий паршивец, иди сюда, я тебя утоплю! — грозил из воды Чжан Шаочи.

— У этого сопляка ума палата. Тебя он не боится, а со мной шутить не рискует. Смотри в оба, Шаочи, он тебя еще вокруг пальца обведет, — лениво протянул Сюй Циюэ и легким пинком отправил Пэй И следом в воду. Белое, гибкое тело юноши ласточкой взмыло вверх и с шумом рухнуло прямо в объятия Чжан Шаочи. Парень мертвой хваткой вцепился ему в шею, продолжая хохотать, его длинные ноги под водой обвили талию мужчины, а брызги слепили глаза...

На их мотоцикле всегда был только один шлем. Чжан Шаочи неизменно надевал его на голову мальчишки, высокомерно бросая:

— Мне эта каска ни к чему. У твоего брата голова чугунная, ей ничего не сделается. Не веришь — проверь.

Горный ветер свистел в ушах, байк несся по серпантину на бешеной скорости, даря то самое ни с чем не сравнимое чувство свободы. Ветер трепал расстегнутый ворот белой рубашки Чжан Шаочи, швыряя ткань в лицо сидевшему сзади парню.

— Домой хочешь?! — кричал Чжан Шаочи сквозь гул мотора.

— Не-а! Не хочу! — отзывался тот.

— Тогда поехали пожрем, а потом отвезу тебя в общагу. Твои родители на прошлой неделе передавали тебе гостинцы, волнуются за тебя. Тебе дома не сидится?

— Нормально мне дома. Родители у меня золотые.

— А брат твой мелкий? Пэй Янь все такой же оболтус?

— Янь-янь? Да какой он оболтус! Ему до меня как до луны пешком! — Пэй И звонко рассмеялся, утыкаясь лбом в его лопатки.

Парень любил сидеть на огромных валунах у обрыва, подставив лицо ветру. Но постепенно этот смех утихал, сменяясь задумчивой, холодной грустью. Его силуэт на фоне закатного неба казался высеченным из мрамора — идеальным, но безжизненным. В свои юные годы он уже познал вкус одиночества. Он казался пережатым полем, лишенным корней, не знающим, откуда пришел и куда держит путь.

Они объездили все горы к северу от Яньчэна, бывали на Великой стене, у каждого озера. Воспоминания о тех днях кружились в голове Чжан Шаочи, точно хлопья первого снега, устилая остывшее сердце. Они были слишком сладкими, чтобы забыть их.

— Твоя голова и правда чугунная? Брат, покажи, насколько ты крепкий. Я хочу проверить, — Пэй И опустился перед ним на колени у края кровати, дерзко потянув за шнурок домашних брюк. Его лукавый взгляд и задорная улыбка лишали Чжан Шаочи всякой воли к сопротивлению.

Эти игры повторялись из раза в раз. Стоило Сяо Пэю чего-то захотеть, как он становился невыносимо ласковым, обвивая его, точно змея.

На самом деле он никогда не просил у него денег. Он просто искал тепла. Время от времени на него накатывала хандра, он исчезал на несколько дней, ввязываясь в сомнительные истории, а потом возвращался и буквально прилипал к Чжан Шаочи, не желая отпускать ни на шаг.

Единственное, чего он просил — чтобы брат держал его крепче. Чтобы оставался рядом.

Позже Чжан Шаочи понял: Пэй И просто отчаянно нуждался в ком-то, кто заполнил бы пустоту в его душе.

В свете ночника его тонкое лицо казалось ангельским. Сяо Пэй раскидывал руки, безмолвно призывая: «Раздень меня, обними сильнее... Брат, скажи, что любишь...»

Но что произошло потом? Почему ты внезапно перестал нуждаться во мне? Твои привычки изменились настолько, что в твоём новом мире мне больше нет места? В то время как я по-прежнему задыхаюсь без тебя все эти долгие годы.

Чжан Шаочи с силой ударил кулаком по воде, разбивая зыбкое отражение луны. Остывающая вода окатила его лицо.

Мгновение назад ванная комната была полна призраков прошлого — нежных улыбок, объятий и юношеского смеха. Но реальность безжалостно развеяла этот морок. Кровавое зрелище в коридоре уничтожило последние крупницы его надежд, отвесив ему хлесткую, отрезвляющую оплеуху.

Это не было банальной выходкой заигравшегося вора, решившего пожить на богатом лайнере. Игра велась по-крупному.

«Что же ты задумал, мелкий паршивец?»

«То, что ты не придушил меня прямо там, рядом с этим громилой, — это твоя дань нашей прошлой любви? Твое последнее милосердие?»

<http://bllate.org/book/19434/1956071>